

После смеха и шума, к двенадцати часам все пришло в порядок.

Как мы все уселись на трех квадратных саженях, я теперь уже не понимаю, только всем было место: кому на диване, кому на окошке, кому на столе, кому на полке; на одних вольтеровских креслах сидели, мне кажется, три человека! Вот на столе уже уставлены огромный пирог, огромный сыр, бутылки и, разумеется, череп — для того, чтоб наше пиршество больше приближалось к лукуллову. Двенадцать трубок закурились в торжественном молчании; но едва деревянные часы продребезжали полночь, мы чокнулись стаканами и прокричали «ура» Новому году. Правда, шампанское было немножко тепло, а горячий пирог был немножко холоден, но этого никто не заметил.

Беседа была веселая. Мы только что вырвались из школьного заточения, мы только что вступали в свет: широкая дорога открывалась перед нами — простор молодому воображению. Сколько планов, сколько мечтаний, сколько самонадеянности и — сколько благородства! Счастливое время! Где ты?..

К тому же мы были люди важные: мы уже имели наслаждение видеть себя в печати — наслаждение, в первый раз неизъяснимое! Уже мы принадлежали к литературной партии

Антон Чехов
(1860–1904)

Либерал
Новогодний рассказ

Прекрасную и умилительную картину представляло собой человечество в первый день нового года. Все радовались, ликовали, поздравляли друг друга. Воздух оглашался самыми искренними и сердечными пожеланиями. Все были счастливы и довольны...

Один только губернский секретарь Понимаев был недоволен. В новогодний полдень он стоял на одной из столичных улиц и протестовал. Обняв правой рукой фонарный столб, а левой отмахиваясь неизвестно от чего, он бормотал вещи непростительные и предостерегающие... Возле него стояла его жена и тащила его за рукав. Лицо ее было заплакано и выражало скорбь.

— Идол ты мой! — говорила она. — Наказание ты мое! Глаза твои бесстыжие, махамет! Иди, тебе говорю! Иди, покедова не прошло время, и распишись! Иди, пьяная образина!

— Ни в каком случае! Я образованный человек и не желаю подчиняться невежеству! Иди сама расписывайся, если хочешь, а меня оставь!.. Не желаю быть в рабстве.

— Иди! Ежели ты не распишешься, то горе тебе будет! Выгонят тебя, подлеца моего, и тогда я с голоду, значит, сдыхай? Иди, собака!

— Ладно... И погибну... За правду? Да хоть сейчас!

Понимаев поднял руку, чтобы отмахнуться от жены, и описал ею в воздухе полукруг... Шедший мимо околоточный надзиратель в новой шинели остановился на секунду и, обратясь к Понимаеву, сказал:

— Стыдитесь! Ведите себя по примеру прочих!

Понимаеву стало совестно. Он стыдливо замигал глазами и отдернул от фонарного столба руку. Жена воспользовалась этим моментом и потащила его за рукав вдоль по улице, старательно обходя все, за что можно ухватиться. Минут через десять, не более, она дотащила своего мужа до подъезда начальника.

— Ну, иди, Алеша! — сказала она нежно, введя мужа на крыльцо. — Иди, Алешечка! Распишись только, да и уходи назад. А я тебе за это коньяку к чаю куплю. Не буду тебя ругать, когда ты выпивши... Не губи ты меня, сироту!

ужина начались снова танцы. Молодые люди, разбившись на группы, в промежутках танцев весело болтали; произошло даже несколько объяснений в любви. Зинаида Ивановна Ивлева почти целый вечер ходила под ручку с молодым красивым человеком, замаскированным в испанский костюм, и о чем-то оживленно рассказывала, причем на ее свеженьких щечках часто вспыхивал румянец. Старуха Ивлева внимательно следила за дочерью и, по-видимому, была очень довольна ее кавалером.

— Итак, Зинаида Ивановна, — шептал молодой человек, — навек... да...

— Да... впрочем... нет... — смешалась интересная русалочка, — я не знаю... может, мама и папа не согласятся, — растерянно шептала она.

— О, я все устрою... вы позволите?

— Хорошо, хорошо! — Дальнейшую беседу их прервали звуки игривого голоса. Молодая влюбленная парочка быстро двинулась с места и смешалась в толпе танцующих пар.

Гости, кто жил неподалеку, стали разъезжаться.

— Пора, Зина; лошади готовы, — прервала разговор дочери подошедшая мать.

— Так я завтра же буду у вас, — шепнул на прощанье молодой испанец, пожимая нежную ручку интересной русалки.